

В диссертационный совет ЮФУ 802.03.14
по научной специальности
5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки
на базе юридического факультета
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук
по специальности 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»

Барина Эмиля Эдуардовича

на тему: *«Конституционная культура правосудия в ценностном измерении:
доктрина и практика»*
(Ростов-на-Дону, 2026)

Диссертационное исследование Барина Э.Э. посвящено **актуальной** для науки конституционного права проблеме. Конституция Российской Федерации (далее – Конституция), обладая высшей юридической силой и оказывая прямое воздействие на общественные отношения, является также основным источником национальных идей и смыслов, определяющих нормативное и ценностное содержание всей правовой системы, включая осуществление правосудия, как особого направления государственно-властной деятельности, призванной воплощать и высокие стандарты конституционной культуры. Научно-доктринальное прояснение значения и содержания таких стандартов сквозь призму Конституции приобретает принципиальное значение для повышения качества судебной деятельности, преодоления механического воспроизведения нормативных предписаний и формального разрешения юридических конфликтов, нацеливая на достоверное обеспечение прав и свобод человека, конструктивное разрешение юридических коллизий, поддержание единства правового пространства и укрепление национальной конституционной идентичности.

Конституционные новеллы 2020 и последующие шаги на пути к укреплению единства российской публичной власти в контексте трансформации международного правопорядка и реформирования систем национального и

наднационального правового регулирования дополнительно оправдывают обращение диссертанта к проблемным вопросам судебной юриспруденции с учетом их культурно-мировоззренческого и конституционно-правового содержания. Предметом диссертационного исследования в этой связи становится онтологический модус современного права, единство нормативного и ценностного начал юридической деятельности, актуальные соотношения закона и справедливости, свободы и ответственности, баланса индивидуального и общего, публичного и частного. Эти классические для философии права вопросы, решаемые с позиций конституционной методологии, приобретают особенное концептуальное звучание и выражают стремление диссертанта вывести категорию культуры правосудия за общегуманитарные рамки.

Авторская постановка обозначенной задачи отчетливо проявляется уже в первом положении, выносимом на защиту, согласно которому конституционная культура современного российского общества и государства воплощает универсальную характеристику отечественного конституционализма в композиционном единстве его доктринальных, формально-юридических и нравственно-этических начал, научно-исследовательского и практического (функционального и правоприменительного) уровней (с. 17 автореферата; с. 17–18 диссертации). Тем самым предпринимается попытка обосновать роль культуры для внутренней конституционно значимой взаимосвязи всех институциональных компонентов правосудия.

Принципиально важно также, что автор рассматривает конституционную культуру правосудия как «динамический процесс освоения, воспроизводства, сохранения и распространения конституционных идей, принципов, ценностей» (с. 16, 32 автореферата; с. 18, 70, 78, 405 диссертации). Такой подход содержательно сближает феноменологию конституционной культуры правосудия с общей проблематикой конституционализации права как перманентного обретения национальной правовой системой качества

конституционности. В авторском восприятии конституционная культура правосудия характеризует один из ключевых элементов конституционализации – превращение и претворение конституционных смыслов, принципов, целей и ценностей в устойчивые модели судебного правопонимания.

Тематически оправдан избранный диссертантом **методологический инструментальный**, назначение которого далеко не исчерпывается традиционным формально-юридическим анализом законодательства и судебных актов. Стремясь максимально приблизиться к прояснению природы культуры правосудия, автор опирается на философский, аксиологический, ценностно-деятельностный, культурно-цивилизационный, историко-правовой, системный и структурно-функциональный подходы, обращается к антропоцентричному, социоцентричному и теоцентричному измерениям своего предмета и достигает значительных научных результатов. Отдельного упоминания заслуживает обращение автора к междисциплинарной категории «конституционная культурология» (с. 19, 31–32 автореферата; с. 76–77 диссертации), но без уклона к «механической» культурологизации юриспруденции. Акцент делается на субсидиарном применении культурологического инструментария для погружения в конституционно-правовую реальность юридических и нравственно-этических начал судебной юриспруденции. Конституционное правопонимание гносеологически предполагает такую позицию, поскольку исключает представление о праве как ценностно нейтральной сфере и обеспечивает конкретизацию смыслов и содержания категорий справедливости, достоинства, социальной ответственности и нравственности на основе определенных аксиологически выверенных приоритетов.

В конечном счете предмет и методология исследования Э. Э. Баринаова соединяются в обосновании такого типа культуры правосудия, в котором юридическая нормативность и формальная определенность не теряют своего институционального значения, но и не могут быть препятствием для достижения

конституционно обусловленной справедливости. Этой цели отвечает **структура диссертации**, четыре главы и шестнадцать параграфов которой образуют единое исследовательское пространство – методология, онтологические основания, институциональные и функциональные характеристики, конституционно-правовые институты, конституционная идентичность и, наконец, взаимодействие национальной правовой системы с «универсальным» правом.

В первой главе автор формирует понятийно-методологическую основу исследования. Существенное значение в этой связи получает видовая характеристика судебно-властных отношений (с. 17 автореферата; с. 18–19, 94–95 диссертации) как обладающих конституционной природой. Такой подход позволяет, не умаляя самостоятельности судебной власти, включить ее в общую конструкцию системы публичной власти. При этом судебная практика рассматривается в единстве с судебным правотворчеством, «предполагающим возможность принятия решений, обладающих элементами нормативности как особых (нетипичных) источников судебного правоприменения» (с. 18 автореферата; с. 19–20, 111–112, 411 диссертации), благодаря чему находит продолжение конституционность позитивного права.

Вторая глава диссертации закономерно посвящена культурным традициям отечественного правосудия, которые, как и Конституция, не существуют вне народа, его исторической судьбы, языка, культуры и накопленного правового опыта. В данном контексте особый интерес представляет анализ отечественных представлений о правде, справедливости, достоинстве, равенстве, нравственном авторитете суда, моральных и профессиональных требований к судье, которые в совокупности позволяют судить о легитимности современного правосудия в России и уровне его конституционной культуры (с. 21–22 автореферата; с. 23–24, 172–174 диссертации). Последовательное разграничение самостоятельности судебной власти, независимости суда и судьи позволяет автору перейти к анализу институциональных и процедурных гарантий судебной независимости, включая

механизмы судейского самоуправления и квалификационных коллегий судей (с. 155–183 диссертации). В этом отношении автор опирается на опыт своей продолжительной деятельности в ВККС РФ в качестве представителя общественности и формулирует предложения, направленные на обеспечение единообразия такой практики.

В третьей главе исследования авторская концепция получает предметную конкретизацию применительно к ряду системообразующих институтов современного российского конституционализма. Конституционная культура правосудия рассматривается как ценностно-нормативная основа обеспечения единства публичной власти, социальной направленности государства и обеспечения национальных духовно-нравственных начал. Раскрывая системное значение конституционной культуры правосудия, диссертант следует общей методологической установке: политические, нравственные и культурные смыслы могут быть востребованы юридической практикой только посредством их конституционно-правовой идентификации. В частности, конституционное качество этой культуры автор связывает, с отсылками к правовым позициям Конституционного Суда РФ, с принципами социальной солидарности и партнерства, а мировоззренческую основу – с традиционной идеей соборности (с. 24–25, 44 автореферата; с. 26, 293–297, 415 диссертации).

В четвертой главе диссертации автор обращается к проблеме соотношения национального и универсального в развитии отечественного правосудия, рассматривая ее посредством обращения к идеям конституционной идентичности, верховенства Конституции и суверенитета национального правопорядка. Последовательно раскрывается резюмирующий тезис о несводимости национального к изоляционизму, а универсального – к безусловному рецепированию внешних правовых моделей (с. 50–51 автореферата; с. 378–379, 383–384, 402–403 диссертации). Особое место при этом отводится роли Конституционного Суда РФ и вопросам развития его

взаимодействия с научным сообществом, в том числе посредством официального признания инициативных экспертных заключений *amicus curiae* и создания научно-консультативного совета по аналогии с моделью, применяемой в Верховном Суде РФ (с. 25 автореферата, с. 28, 341–345 диссертации). Также предлагается формирование региональных механизмов конституционного надзора и общеобязательное рассмотрение аналитических материалов Конституционного Суда РФ государственными органами.

Таким образом, **научная новизна** представленной диссертации в целом воплощается в доктринальной модели конституционной культуры правосудия, в рамках которой: 1. аргументировано место этого компонента в системе отечественного конституционализма; 2. разработана методология его исследования в контексте конституционной культурологии; 3. показана связь формально-юридических, нравственно-этических, социокультурных и деятельностных характеристик правосудия; 4. выявлено значение судебной практики как интегральной формы реализации конституционной культуры; 5. раскрыты институциональные и функциональные компоненты исследуемого феномена; 6. обосновано значение самостоятельности судебной власти и независимости судей как качественных характеристик культуры правосудия; 7. сформулирован оригинальный подход к вопросу о социальной ориентации суда и единстве публичной власти через их культурно-аксиологическое измерение; 8. определена роль конституционного правосудия в воспроизводстве конституционных ценностей и конституционной идентичности; 9. разработаны практико-ориентированные предложения, относящиеся к судоустройству, деятельности органов судейского сообщества, конституционной юстиции и юридическому образованию.

Обозначенное содержание работы позволяет говорить именно о **решении крупной научной проблемы**, а не о суммировании и объединении результатов исследований нескольких конституционно-правовых институтов.

Теоретическую значимость диссертации обуславливает ее комплексный характер. Категория конституционной культуры правосудия выполняет интегрирующую функцию: через нее автор связывает проблематику судебной власти и правосудия, конституционной аксиологии, правовой культуры, конституционного правопонимания, единства публичной власти, социальной государственности, ответственности, национальной идентичности, конституционной юстиции и др. Полученные таким образом результаты могут быть востребованы для развития общей теории российского конституционализма, теории конституционного правопонимания и конституционализации права, конституционной аксиологии, доктрины судебной власти и конституционного правосудия.

Обоснованность и достоверность полученных результатов обеспечиваются объемом и характером привлеченной источниковой базы, включающей классические труды по отечественной философии права, исследования в области советской и современной теории государства и права, конституционного права, правовой культуры, судебной власти, конституционного правосудия и др. Эмпирическая составляющая исследования представлена значительным объемом нормативного и правоприменительного материала и усиливается опытом работы автора в ВККС РФ.

Отдельно следует подчеркнуть **практическую направленность и значимость** работы. Диссертант не ставит себе целью вновь утверждать необходимость «повышения» правовой или конституционной культуры, а последовательно ищет нормативные и институциональные формы достижения такого результата. Значительная часть его соответствующих выводов и рекомендаций имеет конкретного потенциального адресата. Сюда можно отнести предложения по совершенствованию законодательства о конституционном судопроизводстве, усилению научно-экспертной составляющей конституционной юстиции, определению статуса аналитических материалов

Конституционного Суда РФ, развитию региональных форм конституционного надзора, настройке механизмов деятельности ВККС РФ, совершенствованию юридического образования и др.

Апробация результатов исследования также свидетельствует о продолжительном и системном характере научной работы. Основные положения представлены автором на научных мероприятиях различного уровня, обсуждались на кафедре конституционализма Южного федерального университета, использовались в преподавании конституционно-правовых дисциплин. Материалы диссертации получили применение и в профессиональной деятельности автора в ВККС РФ.

Вместе с тем, как всякое концептуальное научно-эвристическое исследование, диссертация Э. Э. Баринова не свободна от суждений и выводов, обоснованность которых хотя и не вызывает принципиального несогласия, но может быть предметом научной критики, включая предложения автору пояснить свою позицию по отдельным вопросам или усилить аргументацию в ходе публичной защиты. В частности:

1. В первом положении выносимом на защиту, характеризуя значение конституционной культуры и практики правосудия (с. 16 автореферата, с. 17-18 диссертации), автор не упоминает о значении этих феноменов и институтов для укрепления конституционно значимой ценности доверия между государством в его публично-властном измерении и народом как носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации, а также конструктивного взаимодействия всех субъектов публично-правовых и частноправовых отношений, что, как нам представляется, умаляет необходимую полноту восприятия предмета исследования.

На наш взгляд, несмотря на наличие вводных отсылок к общеправовым положениям Конституции (с. 3, 6 автореферата, с. 4, 7 диссертации) в исследовании не вполне оправданно эксплицитно обособляется

институциональный модус конституционного доверия. В частности, это касается корреляции цели укрепления степени общественного доверия к судебной власти и судебной системе с предложениями по совершенствованию их законодательной базы и механизмов функционирования (с. 19, 21, 25 автореферата; с. 21, 24, 27, 30, 81, 114, 118 диссертации), в том числе с опорой на примат национальных традиций и ценностей (с. 35–36 автореферата). Косвенно взаимосвязь конституционного доверия и конституционной культуры правосудия затрагивается диссертантом в суждениях и отсылках к значению интерпретационной практики Конституционного Суда РФ (с. 30–31 автореферата; с. 59, 114–115 диссертации) и фрагментарно – применительно к социальному доверию между представителями различных групп населения (с. 216 диссертации). Однако в целом этот емкий, концептуально значимый вопрос не получает, на наш взгляд, всестороннего комплексного анализа.

2. Доктринальное терминирование и инструментально-методологическое утверждение конституционной культуры проводится в диссертационном исследовании с опорой на ценностно-деятельные начала явления (с. 17–18 автореферата, с. 16–17 диссертации), что в целом, как отмечалось выше, заслуживает поддержки. Полагаем, тем не менее, что не меньшее (как минимум) значение для конституционализации судебной сферы и «обретения судебной правовой культурой конституционных характеристик» имеет культурная эволюция, «возрастание» правосознания носителей судебной власти – судей, а также лиц, содействующих осуществлению правосудия организационно-техническим образом. Конституция, право, государство, суд – входят в общее понятие культуры на своем подсистемном уровне, но конституционная культура правосудия объективно невозможна там, где ее предполагаемые выразители и прежде всего – судьи, не обнаруживают стремления и готовности к «духовно-нравственному возвышению человека» (И.А. Ильин, Д.С. Лихачев). К сожалению, российская система и практика отправления правосудия нередко ставят под

сомнение качество такого – субъект-личностного – культурного компонента. Как известно, одним из приоритетов кадровой политики нового Председателя Верховного Суда РФ стало противодействие коррупционным рискам в судебной системе, а среди соответствующих мер едва ли не на первое место поставлено повышение уровня доходов судей. Можно ли таким образом добиться, чтобы для судей, чьи дела рассматриваются на заседаниях ВККС РФ, адекватное значение приобрели «аксиологические основания выработки» и «нравственно-этические координаты» ими принимаемых судебных решений? Хотелось бы услышать мнение соискателя по данному, далеко не риторическому вопросу, учитывая в том числе опыт его работы в ВККС РФ, а также то обстоятельство, что в диссертации антикоррупционная проблематика кратко упоминается исключительно в связи со значением принципов независимости судей и невмешательства в судебную деятельность (с. 178–179 диссертации).

3. Мы разделяем позицию диссертанта о том, что в современных реалиях для развития институциональной системы конституционной культуры правосудия повышенного внимания заслуживают проблемы совершенствования юридического образования как перехода к его конституционной модели (с. 20–21 автореферата; с. 22–23, 153–154 диссертации). Данное общее положение нуждается, по нашему мнению, в предметной конкретизации. В частности, в этой связи мы высказывались в литературе о том, что конституционализация юридического образования предполагает «национальную стандартизацию» на основе конституционного правопонимания, достоверное приобщение к которому студентов-юристов заслуживает утверждения в качестве специального квалификационного критерия для кандидатов на вступление в судейское сообщество. Автор диссертации отмечает, что «современное понимание основано на системных подходах и активно использует достижения интегративной юриспруденции» (с. 51 диссертации). Одновременно с этим уравнивается значение профессионального юридического образования с

«конституционно-правовым просвещением» и «конституционно-правовым самообразованием», до степени их актуальности для судебного правотворчества (с. 71–72 диссертации). Не вступая в дискуссию по вопросу об онтологической эклектике «интегративного правопонимания», заметим, что конституционная культура судей вряд ли может основываться на ресурсах просвещения и/или самообразования. Возможно диссертант прояснит эти сомнения в ходе публичной защиты, тем более что и сам он оперирует понятием «конституционно ориентированное правопонимание» и корректно учитывает доктринальные разработки своего научного консультанта (с. 138–139 диссертации).

4. Выделяя идеологическую составляющую предмета диссертационного исследования, автор выходит на чрезвычайно сложную проблематику религиозно-конфессионального компонента конституционной культуры россиян (с. 9 автореферата; с. 216–217, 370–371 диссертации). К сожалению (во всяком случае, для нас), автор не анализирует соответствующие вопросы системным образом, как они того заслуживают. Ограничимся в этой связи пожеланием пояснить, как именно, по мнению диссертанта, конституционная культура правосудия соотносится и должна соотноситься с традиционным для советской государственной науки представлением о «правах атеистов» (с. 216 диссертации), то есть о параметрах содержательной конкретизации положений ст. 28 Конституции РФ в контексте конституционных новелл 2020.

5. В диссертации затрагивается ряд дискуссионных вопросов, обусловленных отсутствием «единого ценностного представления о том, как должна выглядеть юридическая модель современной российской конституционно-правовой идентичности», и предлагаются авторские варианты возможного их решения (с. 48–50 автореферата; с. 373–379 диссертации). При этом зачастую складывается впечатление, что автор теряет методологическую нить своего исследования, причем вследствие не только, например, фокусировки внимания на идейно-политической разобщенности российских «элит», но и

неоправданного сближения задач и функций Конституционного Суда РФ (в том числе как субъекта конституционализации и актора конституционной теории права) и конституционной культуры правосудия в широком смысле как «многоуровневого и многоаспектного феномена всей судебной системы». Во всяком случае, соответствующее различие проводится не всегда отчетливо. Так, трудно предположить конституционно-культурную позицию, релевантную одновременно и пониманию судом невозможности назначения за совершение преступления смертной казни, как наказания, не предусмотренного уголовным законом, и интерпретационному установлению Конституционным Судом РФ значения моратория на применение смертной казни после прекращения действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы. Между тем автор фактически отождествляет задачи следования духу национальной культурной идентичности и легитимирующей сертификации такого соответствия (с. 376–377 диссертации).

6. К сожалению, на наш взгляд, в диссертационном исследовании не получила соответствующего ее масштабу и эпохальному значению отражения проблематика привлечения к осуществлению правосудия технологий искусственного интеллекта. Автор фактически ограничивается справочными отсылками к «актуальной и популярной» проблеме и солидаризуется с широко признанной общей позицией о допустимости ограниченного использования таких технологий (с. 165-166 диссертации). В результате практически без внимания остается неизбежная – в контексте аффектов «пришествия» искусственного интеллекта – корректировка стандартов и трансформация параметров конституционной культуры правосудия. В этой связи полагаем, диссертант мог бы высказаться о перспективах глобальной тенденции и следствиях масштабирования эксперимента по использованию искусственного интеллекта в практике российского правосудия, а также публично артикулированных планах создания системы «цифрового правосудия».

Совместимо ли в целом авторское видение конституционной культуры правосудия с перспективой диалога судей с нейросетями, не чуждыми, как уже показала практика, индифферентному пренебрежению требованиями добросовестности и ценностями национальной культурной идентичности в «угоду» алгоритмам беспринципной логики целеполагания или цифровым галлюцинациям?

Высказанные замечания носят преимущественно полемический характер и не имеют решающего значения для оценки диссертации Э. Э. Баринаова. В целом представленная работа производит впечатление концептуально состоявшегося исследования конституционной культуры правосудия как феномена, актуально соотношенного с фундаментальными проблемами российского конституционализма. С учетом такой предметной направленности диссертация соответствует научной специальности 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки, а междисциплинарный инструментарий и методологически взвешенное использование автором культурологических, философских и аксиологических подходов к познанию конституционно-правовых явлений обуславливают корректную итоговую формулировку научно-юридических выводов, преодолевая традиционное разделение нормативного и ценностного измерений правосудия.

Автореферат и опубликованные соискателем научные статьи отражают основное содержание диссертации.

Диссертационное исследование Э. Э. Баринаова «Конституционная культура правосудия в ценностном измерении: доктрина и практика» является **самостоятельной, завершенной научно-квалификационной работой**, результаты которой в совокупности могут быть квалифицированы как решение крупной научной проблемы, имеющей существенное значение для развития науки конституционного права и публично-правовых наук в целом.

Вывод: по своей актуальности, степени научной новизны, теоретической и практической значимости, достоверности и обоснованности полученных результатов, уровню их апробации и содержанию сформулированных научных выводов работа полностью отвечает требованиям Положения «О присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Южный федеральный университет» (Приказ № 62-ОД от 27.03.2026 г.), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора юридических наук, а ее автор, **Эмиль Эдуардович Баринов**, заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности **5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки**.

Официальный оппонент:

Заведующий кафедрой теории права
юридического факультета ФГБОУ ВО
«Тверской государственный университет»,
доктор юридических наук (специальность:
12.00.02 – Конституционное право; муниципальное право),
профессор В.И. Крусс

« 5 » октября 2026 г.

Контактная информация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет»
170021, Тверская область, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22
+7(4822) 52-94-22
law@tversu.ru

Подпись доктора юридических наук,
профессора *Крусс В.И.* удостоверяю.
и.о. уполномоченного секретаря *М.В.*

